

A full-page background image featuring a man with long, wavy brown hair and a serious expression. He is dressed in 18th-century style clothing, including a white cravat, a brown leather coat with large buttons, and a brown waistcoat. He holds a rolled-up parchment map in his right hand. He stands on the wooden deck of a sailing ship, with the ship's rigging and ropes visible to his right. The background shows a dramatic sunset over the ocean, with the sun low on the horizon, casting a warm, golden glow across the sky and water. The overall mood is one of historical adventure and exploration.

Константин Погудин

Обсерватория на краю карты

Константин Погудин

Обсерватория на краю карты

<https://litres.ru/74549128>

SelfPub; 2026

Аннотация

1724 год. Натуралист Огюстен Мерсье находит в старой книге карту острова, которого нет ни на одном атласе, и отправляется к нему через Атлантику, а по пятам идут пираты, предатели и голландский коллекционер. Приключенческий роман в духе Жюль Верна о том, что знание ценнее золота.

Содержание

Глава первая. Книга с секретом	4
Глава вторая. Отплытие	13
Глава третья. «Ласточка»	22
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Константин Погудин

Обсерватория на краю карты

Глава первая. Книга с секретом

Дождь шёл над Парижем третий день кряду, и Огюстен Мерсье, склонившийся над столом в дальней зале библиотеки Королевского ботанического сада, был, пожалуй, единственным человеком в городе, которого это обстоятельство вполне устраивало. Дождь означал, что в читальне никого нет, а тишина означала, что наконец можно заняться делом.

Перед ним лежал том в потёртом телячьем переплёте: «Описание островов Западной Индии», без имени автора, напечатанный в Севилье в 1611 году. Мерсье купил его на набережной Августинцев за двенадцать ливров, что для младшего хранителя гербария составляло сумму почти чувствительную. Но он не жалел. Книга была редкая, а главное, она была странно устроена, и это обстоятельство мучило его с той минуты, как том оказался в его руках.

Он взвесил книгу на ладони, потом перевернул и взвесил снова. Передняя крышка переплёта была ощутимо тяжелее задней.

— Двенадцать ливров за загадку, — пробормотал он. — Недорого.

Мерсье был человеком тридцати четырёх лет, невысоким, сутуловатым от привычки клониться к предметам своих занятий, с вечно испачканными чернилами пальцами и светлыми глазами, которые за миг переходили от рассеянности к пристальному вниманию. Ботаники говорили, что он слишком много занимается языками. Филологи находили, что он слишком много занимается растениями. Сам Мерсье считал, что мир един и что различие наук выдумали люди, которым лень было смотреть шире.

Он взял тонкий скальпель, которым обычно подрезал стебли, и осторожно поддел кромку бумаги, приклеенной к внутренней стороне крышки. Клей поддался неожиданно легко: его нанесли давно и небрежно. Из щели показался край жёлтого пергамента.

Мерсье замер. Потом, затаив дыхание, потянул.

Пергамент вышел свёрнутым вчетверо, тонкий, почти прозрачный, и развернулся на столе с сухим шелестом, как крыло большого насекомого. Мерсье придвинул подсвечник. И тогда он увидел карту.

Это не была обычная карта. Береговая линия, изломанная и прихотливая, не совпадала ни с одним известным ему берегом. Посреди пустого моря лежал небольшой остров, вытянутый, как рыба, и вокруг него, вместо привычных названий, теснились ряды знаков: кружки, чёрточки, точки, со-

бранные в группы по три, по пять, по семь. Ни латынь, ни греческий, ни арабский, ни коптский, ни древнееврейский, которыми Мерсье владел свободно, не имели ничего общего с этими значками.

По углам листа стояли четыре цифры, а в правом нижнем углу была нарисована роза ветров. Мерсье пересчитал её лучи раз, потом второй.

— Одиннадцать, — сказал он вслух. — Одиннадцать румбов. Так не бывает.

Все розы ветров, какие он знал, имели восемь, шестнадцать или тридцать два луча. Кто бы ни составил эту карту, он делил горизонт иначе, чем принято, и, по всей видимости, знал, зачем.

Мерсье просидел над листом до тех пор, пока свечи не оплыли до половины. Он срисовал знаки на отдельный лист, потом попробовал их сгруппировать. Группы точек вокруг острова повторялись, и он заметил, что одна из них, семь точек, собранных кучкой, странным образом напоминает Плеяды. Он вскочил, достал с полки звёздный каталог Флемстида, отыскал нужную страницу и приложил к ней свой рисунок.

Точки легли на звёзды одна к одной.

Он медленно опустился на стул. Знаки вокруг острова были не именами и не описанием земель. Они были таблицей положений звёзд. Кто-то очень давно, задолго до Флемстида и Кассини, измерял небо с такой точностью, что европейские

астрономы гордились бы ею. И этот кто-то составил по звёздам путь к вот этому острову.

Дождь всё стучал по окнам. Мерсье сидел неподвижно, и на лице его была улыбка человека, который нашёл не ответ, а лучший из возможных вопросов.

Наутро он пошёл к Кремье.

Мартен Кремье занимал две комнаты над картографической мастерской на улице Сен-Жак и славился тем, что мог по памяти нарисовать побережье любой страны с ошибкой не более четверти градуса. Это был человек лет сорока, гладкий, с мягким голосом и внимательными тёмными глазами, из тех, кто никогда не спорит, а лишь чуть поднимает бровь, и собеседник сам начинает сомневаться в своей правоте.

Он выслушал Мерсье молча. Потом взял пергамент двумя пальцами, поднёс к окну, посмотрел на просвет и долго изучал береговую линию.

— Этого берега нет, — сказал он наконец.

— Вернее, нет в наших атласах.

— Что, в сущности, одно и то же. — Кремье вернул пергамент. — Огюстен, вы понимаете, что вы нашли? Либо очень изящную мистификацию, либо документ, который стоит целой эскадры.

— Я не знаю, что это. Но звёзды не лгут. Если положения светил на этой карте верны, а я проверил четыре из них, то мы можем вычислить широту острова.

— Мы?

— Я рассчитывал на вашу помощь.

Кремье улыбнулся. В улыбке его было что-то вежливое и отстранённое, как в поклоне человека, который твёрдо решил, что поклон ничем его не обязывает.

— Разумеется. Такую вещь нельзя оставлять без подтверждения. Позвольте, я сниму копию: мне понадобится рассмотреть береговую линию на досуге.

Мерсье колебался лишь мгновение. Кремье был единственным человеком в Париже, кому он мог доверить эту находку. Он кивнул.

Копию сняли за три дня. Расчёт занял ещё неделю. Когда они оба сошлись на цифрах, Мерсье понял, что дело решено. Остров лежал в Карибском море, у берегов Венесуэлы, в стороне от всех торговых путей, там, где испанские карты обозначали лишь пятно с пометкой «мели, неизвестно».

Интендант Королевского сада господин де Ла Круа принял Мерсье в своём кабинете, обшитом тёмным дубом, и слушал его ровно четверть часа, ни разу не перебив. Это был грузный, спокойный человек с усталым лицом и цепким умом, привыкшим отличать полезное от эффектного.

— Позвольте уточнить, — сказал он, когда Мерсье закончил. — Вы просите у сада корабль, экипаж и деньги на экспедицию к острову, которого нет ни на одной карте, на основании листа пергамента, найденного в переплёте книги.

— Да, сударь.

— И вы полагаете, что там находится нечто, стоящее этих

затрат.

— Я полагаю, что там находится знание, сударь. Тот, кто составил эту карту, умел измерять небо лучше, чем мы. А если он умел это в те времена, когда Европа ещё жгла астрономов, то что он мог знать о море, о течениях, о ветрах? Наши штурманы плавают по звёздам, как слепые по стене. Если там найдётся хотя бы часть того, что знали эти люди...

Ла Круа поднял ладонь.

— Довольно. Я не из тех, кого нужно уговаривать красноречием. Скажите мне другое: вы боитесь?

Вопрос был неожиданным, и Мерсье ответил честно, прежде чем успел подумать:

— Да, сударь. Больше всего боюсь, что окажусь не тем человеком, который нужен в трудную минуту.

Интендант посмотрел на него долгим взглядом.

— Хороший ответ, — сказал он. — Люди, которые ничего не боятся, топят корабли. Хорошо. Королевский сад даст вам судно и половину средств. Остальное вы найдёте сами.

Остальное нашлось быстро, слишком быстро, как Мерсье позже стал понимать. Через неделю к нему явился секретарь, вежливый молодой человек в безупречном камзоле, и вручил письмо на дорогой бумаге. Господин Ван Хоорн, амстердамский коллекционер, «весьма интересующийся научными предприятиями», выражал готовность покрыть недостающую сумму и лишь просил, чтобы экспедиция взяла на борт его частные образцы для сравнительного анализа.

— Это обычное дело, — сказал Кремье, прочитав письмо. — Меценатам нужно видеть своё имя в отчётах. Берите деньги, Огюстен. Такой случай не повторяется.

Мерсье взял. Позже он не раз вспоминал, как легко это вышло.

В Гавр они приехали в конце ноября, под мелким колющим дождём, который налетал с Ла-Манша и стучал по крышам, как горсть сухого гороха. «Сент-Клэр» стоял у дальнего причала: трёхмачтовый барк, чёрный, крепкий, с высоким полуютом и новыми парусами, уложенными в тугие серые свёртки. От него пахло смолой, свежим деревом и чем-то неуловимо тревожным, как пахнет всё, что готовится к дороге.

Капитан Дюпон встретил Мерсье на трапе. Он оказался человеком лет пятидесяти, сухим, прямым, с седеющими висками и с тем спокойным лицом, какое бывает у людей, много раз возвращавшихся из мест, откуда возвращаются не все.

— Господин Мерсье. Я читал ваше предписание. — Капитан помолчал. — Скажу прямо: я не люблю корабли, которые идут туда, где нет карт. Но я люблю платить жалованье команде и возвращать людей домой. Поэтому мы будем понимать друг друга, если вы запомните одно.

— Какое, капитан?

— На борту решаю я. Даже если вы правы, а я ошибаюсь. Особенно тогда.

Мерсье подумал и кивнул.

— Договорились.

Они пожали друг другу руки. Мерсье прошёл на палубу, вдохнул сырой солёный воздух и вдруг ощутил то, чего не ощущал ни в библиотеке, ни в кабинете интенданта. Он почувствовал, что всё это уже происходит на самом деле. Что в ящиках, стоящих в трюме, лежат его барометры и его гербарные папки. Что карта, которую он положил в футляр и прижал к груди, сейчас важнее любой книги на свете.

Кремье пришёл проводить его накануне отплытия. Они стояли на причале в тусклом свете фонаря, и Кремье, кутаясь в плащ, говорил:

— Вы делаете большое дело, Огюстен. Пишите мне с каждой оказией. Я буду ждать.

— Разумеется. Вы помогли мне больше, чем кто-либо.

— Пустое. — Кремье пожал ему руку, и в этом пожатии Мерсье не почувствовал ничего необычного, кроме, быть может, слишком долгой паузы в конце. — Счастливого пути.

Он ушёл, растворившись в дождевой пелене. Мерсье долго смотрел ему вслед, потом повернулся к кораблю.

Тогда он и увидел человека.

Тот стоял на другом конце причала, у штабеля бочек, и не двигался. Плащ с поднятым воротником, шляпа, надвинутая на глаза, ничем не примечательная фигура. Но что-то в его неподвижности было неправильным: так стоят не портовые грузчики и не случайные прохожие. Так стоят люди, которые

ждут.

Мерсье сделал шаг в его сторону. Человек повернулся и пошёл прочь, не оглядываясь, и скоро скрылся за углом склада.

— Господин Мерсье! — окликнул его с борта Дюпон. — Пора. Прилив.

Мерсье помедлил, потом поднялся на палубу. Матросы отдавали концы, паруса наполнялись ветром, и Гавр начал медленно уходить назад: огни, крыши, мачты, тёмная линия берега.

Он не мог знать, что человек у бочек записал в блокнот название корабля, число членов экипажа и час, когда «Сент-Клэр» покинул рейд. Он не мог знать, что этот листок к утру будет лежать на столе в Амстердаме. И что Ван Хоорн, прочитав его, не станет торопиться. Он просто подождёт, пока другие сделают за него самую трудную часть пути.

Огюстен Мерсье стоял на корме и смотрел на удаляющийся берег Франции. Карта лежала в футляре у него на груди, и ему казалось, что она греет сквозь ткань.

Впереди было море.

Глава вторая. Отплытие

Первые трое суток Огюстен Мерсье провёл в положении, которое в морских хрониках принято описывать одним скромным словом «нездоровье».

Он лежал в узкой каюте, пристёгнутый ремнём к койке, и с научной беспристрастностью наблюдал за тем, как мир то поднимается к потолку, то проваливается под пол. Барометры, аккуратно закреплённые на стене, покачивались в такт. Гербарные папки в углу медленно ползли по полу и возвращались обратно, как прилежные ученики. Мерсье записал в дневнике: «Морская болезнь есть спор между глазом и ухом, в котором оба правы, а желудок страдает». Потом прибавил: «Не рекомендую читать Плиния на волне».

На четвёртое утро в дверь постучали.

— Сударь! — Голос был мальчишеский, звонкий, с чужим выговором, будто французские слова катали во рту, как горячую картошку. — Господин капитан спрашивает, живы ли вы.

— Скажите капитану, что я нахожусь в стадии выздоровления, — отозвался Мерсье с койки. — Или в стадии агонии. Пока не решил.

Дверь приоткрылась, и в щель просунулась вихрастая голова. Юнга лет пятнадцати, худой, веснушчатый, с обветренными скулами и упрямым подбородком, смотрел на него с

любопытством.

— Томас Финч, сударь. Я к вам приставлен. — Он вошёл, поставил на стол кружку и кусок сухаря. — Кок сказал, это помогает. Имбирь и сухарь. Только не смотрите на воду, сударь, смотрите на горизонт.

— Вы англичанин?

— Наполовину. Отец из Плимута, мать из Гавра. Отец ходил на английских судах, потом остался на французском берегу. — Финч пожал плечами. — Потом остался в море навсегда. Меня взяли в юнги, потому что я умею считать и не боюсь высоты.

Мерсье выпил имбирный отвар. Тот был отвратителен, как все действенные лекарства. Через полчаса он поднялся, оделся и вышел на палубу.

Утро стояло серое, ветреное, и «Сент-Клэр» шёл по длинным тёмным волнам Бискайского залива, приподнимаясь на каждой и мягко опускаясь в ложбину. Мерсье вцепился в поручень, посмотрел на горизонт, как советовал Финч, и обнаружил, что мир вернулся на своё место.

— Смотрите-ка, — раздался за его спиной сухой голос, — наш учёный решил жить.

Капитан Дюпон стоял у штурвала, держа руки за спиной. Рядом с ним, широко расставив ноги, стоял боцман Гриве, огромный, обветренный человек с лицом цвета копчёного окорока и таким же выражением дружелюбия.

— Благодарю, капитан. Я готов приступить к наблюдению.

ям.

— Наблюдайте, — разрешил Дюпон. — Только не мешайте матросам и не падайте за борт. Спасать вас в такой волне я не стану: слишком дорого обойдётся.

Гриве хмыкнул. Мерсье понял, что шутка предназначалась не ему, а команде, и что этой шуткой его только что приняли на борт с оговорками.

Ближайшие дни он потратил на то, чтобы стать полезным. Он не умел ни ходить по вантам, ни брать рифы, ни вязать морские узлы, а потому делал то единственное, что умел: наблюдал. Он вёл журнал барометрических измерений, записывал температуру воды, которую брал в парусиновое ведро на верёвке, зарисовывал птиц и медуз, зачерпнутых сетью. Матросы поначалу глядели на него с усмешкой. Медузы им казались глупостью, барометры суеверием, а его записи прихотью человека, которому платят не за дело.

Но в тихие вечерние вахты Мерсье садился на бочку у грот-мачты и рассказывал. Он говорил о звёздах, по которым ходят корабли, о рыбах, живущих на такой глубине, куда не достаёт ни один лот, о птицах, которые пересекают океан без единой остановки. Он говорил просто, без учёных слов, и понемногу вокруг него собирался кружок слушателей.

— А правда, сударь, что кит может проглотить человека? — спросил однажды молодой матрос Леруа.

— Правда, что у него есть глотка. Но она размером с ваш кулак, так что человека кит глотать не станет. Он питается

мелкими рачками, которых цедит через усы.

— Усы? У кита?

— Не совсем усы. Роговые пластины во рту. Но выглядит похоже.

Леруа хохотнул. Кто-то присвистнул. И Мерсье впервые за всё плавание почувствовал, что стал частью этого маленького деревянного мира.

Финч всегда стоял рядом. Мальчишка схватывал всё на лету, задавал вопросы и запоминал ответы. Он выучил названия дюжины созвездий и научился обращаться с секстантом. Мерсье подарил ему собственный карманный компас и даже не заметил, как это произошло.

На шестые сутки ему приснилось, что барометр говорит по-латыни.

Мерсье проснулся, лежа с открытыми глазами, и несколько мгновений не мог понять, что именно его тревожит. Потом понял: в каюте было слишком тихо. Стих скрип переборки. Стих плеск волны о борт. Он посмотрел на барометр.

Ртуть упала.

Не на волос, а на целую линию, и ещё на одну, пока он смотрел. Мерсье сел, накинул камзол и выбежал на палубу.

Утро было странным. Небо цвета олова висело низко, и с юго-запада тянулись длинные перистые облака, похожие на конские хвосты. Море оставалось ровным, но волна изменилась: она стала длинной, пологой, идущей издалека, с тем ленивым ритмом, какой бывает у большой воды, когда

её вот-вот тронет что-то огромное. Над мачтами кружили птицы. Мерсье пригляделся. Это были буревестники, целая стая. Они летели низко, у самой воды, и не ловили рыбу.

— Капитан! — крикнул он.

Дюпон повернулся от штурвала.

— В чём дело, господин учёный?

— Будет шторм. Сильный. Часа через три, может быть, четыре.

Палуба замерла. Матросы, возившиеся со снастями, остановились. Гриве медленно повернул голову.

— На каком основании? — спросил Дюпон. Голос его был ровным, без насмешки, но и без доверия.

— Барометр упал на три линии за полчаса. Облака идут с юго-запада, и они такого вида, какой бывает перед фронтом. Волна длинная, накатная: значит, где-то далеко ветер уже дует, а вал ушёл вперёд. И птицы. Буревестники обычно держатся в открытом океане, но перед бурей они идут к судам. Инстинкт. Они знают, что рядом будет укрытие, хотя бы такое ненадёжное.

— Птицы, — повторил Гриве неодобрительно.

— Птицы, барометр и облака, — сказал Мерсье. — Я не прошу вас верить мне. Я прошу вас проверить.

Дюпон долго смотрел на небо. Потом на барометр, который висел у штурвала и который Мерсье настойчиво просил включить в судовые приборы. Потом снова на птиц.

— Гриве, — сказал он, не оборачиваясь. — Взять рифы

на всех парусах. Убрать бом-брамсели. Закрепить груз. Задраить люки. Быстро.

— Капитан, погода стоит хорошая...

— Я слышал, что сказал господин Мерсье. Исполнять.

Боцман помедлил, потом рывкнул команду. Матросы кинулись к вантам. Через минуту палуба превратилась в муравейник.

Мерсье остался стоять у борта. Сердце у него колотилось. Он вдруг понял, что если ошибся, то одним словом только что сделал из себя посмешище на весь остальной рейс. А ещё через мгновение понял, что если не ошибся, то дело обстоит куда серьёзнее.

Шторм пришёл через три с половиной часа.

Он начался с порыва ветра, который ударил в борт так, что «Сент-Клэр» накренился и лёг на воду, скрипя всеми шпангоутами. Потом небо потемнело, море вздыбилось, и вал за валом стали катиться на судно, тяжёлые, серые, с пенными гребнями. Паруса, убранные заранее, держали. Груз, закреплённый в трюме, не сдвинулся. Люки, задраенные вовремя, не пропустили воду. Гриве стоял у штурвала рядом с Дюпонном, и лицо его, залитое водой, ничего не выражало.

Шторм бушевал шесть часов. Мерсье провёл их привязанным к мачте на юте, потому что Дюпон запретил ему спускаться вниз («Если вы правы, вам нужно видеть, чем всё кончится»). Он промок до костей, замёрз так, что перестал чувствовать пальцы, и несколько раз ему казалось, что море вот-

вот смоев его за борт. Но он смотрел. Смотрел, как барометр медленно ползёт вверх, как рвутся облака, как ветер меняет направление и постепенно слабеет.

К ночи всё стихло. Из-за туч проглянули звёзды, чистые, острые, невероятно яркие. «Сент-Клэр» покачивался на длинной пологой волне, и по палубе, мокрой и блестящей, ходили усталые, но живые люди.

Дюпон подошёл к Мерсье и, не говоря ни слова, отвязал его ремень. Потом протянул флягу.

— Пейте.

Мерсье выпил. Это был ром, тёплый и обжигающий.

— Вы спасли мне корабль, — сказал капитан тем же ровным голосом, которым говорил всё остальное. — Если бы мы шли под полными парусами, то потеряли бы мачты. Я не люблю быть кому-то обязанным.

— Вы ничем мне не обязаны, капитан. Я только смотрел.

— Именно, — сказал Дюпон. — Немногие умеют.

Он ушёл. Гриве, проходя мимо, коротко кивнул. Матрос Леруа улыбнулся. Финч сидел на бочке, завернувшись в мокрый плащ, и смотрел на Мерсье так, будто тот только что превратил воду в вино.

Дальше плавание пошло ровнее. «Сент-Клэр» миновал мыс Финистерре, потом остров Мадейру, и воздух стал мягче, море синее, небо шире. Появились летучие рыбы, и Мерсье потратил целый день на зарисовки, а Финч пытался поймать одну сачком и ловил только собственные ноги. На вось-

мые сутки после шторма они взяли курс на Канары, чтобы пополнить запас воды, и матросы повеселели: впереди были берег, вино и апельсины.

На девятые сутки на рассвете закричал вахтенный.

— Парус! Парус по корме!

Мерсье выскочил на палубу вместе со всеми. Дюпон стоял у гакаборта с подозрительной трубой, и лицо у него было такое, какого Мерсье прежде не видел.

Далеко за кормой, на самой линии горизонта, там, где небо сходилось с морем, виднелась крошечная белая точка. Шлюп, судя по обводам. Лёгкое быстрое судно, из тех, что строят не для торговли.

— Флаг? — спросил Гриве.

— Нет флага, — ответил Дюпон, не отрываясь от трубы.

— Может, случайный купец?

— Случайные купцы не идут по нашему следу третий день.

Мерсье вздрогнул. Он вспомнил: вчера вечером Финч показал ему на такую же точку у горизонта, а позавчера кто-то говорил о белом парусе, о котором все забыли через час. Он тогда не придавал этому значения.

Дюпон опустил трубу. Он ещё раз посмотрел на горизонт, потом на Мерсье, и в этом взгляде не было ни насмешки, ни осуждения, только тяжёлое, очень спокойное понимание.

— Господин Мерсье, — сказал он тихо. — Вы говорили, что нашли карту, о которой никто не знает.

— Да.

— Тогда, боюсь, вы ошиблись в одном пункте.

Белая точка на горизонте не приблизилась и не отдалась. Она просто шла за ними, терпеливо, как хищник, который никуда не торопится.

Глава третья. «Ласточка»

К вечеру третьего дня погони стало ясно, что уйти не удастся.

Дюпон сделал всё, что мог. Он поставил все паруса до последнего лоскута, приказал облегчить судно, выбросив за борт часть пустых бочек, и трижды менял галс, надеясь поймать ветер. «Сент-Клэр» был крепким кораблём, построенным для дальних рейсов и тяжёлых грузов, но он не был бегуном. Белая точка за кормой росла с каждым часом, и когда солнце начало опускаться к воде, уже можно было разглядеть узкий тёмный корпус, низкую посадку и две мачты, наклонённые назад, как у птицы в стремительном полёте.

— «Ласточка», — сказал Гриве, опуская подзорную трубу. Лицо у боцмана стало серым. — Я видел её в Кадисе года три назад. Шлюп, двенадцать шестифунтовых орудий, семьдесят человек экипажа. Её капитан...

— Я знаю, кто её капитан, — оборвал Дюпон.

Он стоял на юте, неподвижный, как мачта, и смотрел на приближающийся шлюп. Мерсье стоял рядом. Он не осмеливался заговорить. За эти три дня он ни разу не видел, чтобы капитан повысил голос, но сейчас в этом молчании было что-то такое, от чего у него сжимался желудок.

— Сколько у нас орудий? — спросил вдруг Мерсье.

Дюпон повернул голову.

— Четыре четырёхфунтовки. Для салюта и отпугивания рыбаков. Вы хотите предложить мне сразиться?

— Нет. Я хочу понять, что у нас есть.

— Четыре пушки, двадцать два человека, из которых шестнадцать матросы, а остальные учёные и мальчишка, и груз, который стоит больше, чем всё наше жалованье вместе взятое. — Капитан снова поднёс трубу к глазам. — Против двенадцати орудий и семидесяти головорезов. Я могу дать бой, сударь. Мы продержимся минут двадцать. Потом они возьмут судно, а тех, кто сопротивлялся, повесят на реях.

— А если мы не будем сопротивляться?

Дюпон опустил трубу.

— Вы предлагаете сдатьсь?

— Я предлагаю подумать, зачем они нас преследуют. Три дня они шли за нами. Могли догнать в первый же день: у них ход вдвое лучше. Но шли, ждали, приглядывались. Люди, которым нужно просто судно с грузом, так не поступают. Они хотят чего-то конкретного. И я подозреваю, чего.

— Карты.

— Да.

Гриве шумно выдохнул.

— То есть мы должны отдать им то, за чем они пришли, потому что они этого хотят?

— Нет, — сказал Мерсье. — Мы должны понять, что им нужно, прежде чем они поймут, что нужно нам.

Дюпон молчал очень долго. Слышно было, как трещит та-

келаж, как стонет под ногами палуба, как где-то на баке кто-то тихо, для себя, читает молитву. Потом капитан сказал:

— Я отвечаю за этот корабль и за двадцать два человека. Если нас возьмут в бою, мы потеряем всё. Если сдадимся, останется шанс. Не хороший шанс, но шанс. — Он повернулся к Гриве. — Спустить флаг. Оружие сложить. Матросам ничем не сопротивляться. Всем собраться на палубе.

— Капитан!

— Это приказ, Гриве.

Боцман посмотрел на него, потом на Мерсье, и в этом взгляде было столько злости, что Мерсье невольно отступил на шаг. Но Гриве кивнул и пошёл выполнять приказ. Это оказалось самым тяжёлым, что Мерсье видел на борту: как огромный человек, сжав кулаки, шёл по палубе и отдавал команды сдаваться.

«Ласточка» подошла ближе к закату.

Мерсье впервые увидел её вблизи и понял, почему боцман говорил о ней с таким уважением. Это было прекрасное судно: узкое, чёрное, с чистой линией корпуса и высокими лёгкими мачтами, покрашенное в цвет мокрой сажи. Ни позолоты, ни резных украшений, ни вычурных флагов. Всё на нём было устроено так, чтобы идти быстро и бить точно. Паруса, тщательно залатанные, стояли как вылитые. На палубе, вдоль борта, в молчании выстроились люди: сотня внимательных глаз, дула мушкетов, блеск абордажных сабель.

Шлюп лёг в дрейф с борта на борт с «Сент-Клэр», пере-

бросили крюки, натянулись канаты. Но никто не закричал, никто не ринулся на abordаж. Наступила странная, почти торжественная тишина.

Потом на палубе «Ласточки» раздвинулись ряды, и вперёд вышла фигура в тёмном камзоле.

Это была женщина. Мерсье понял это не сразу: у неё были коротко стриженные волосы, лицо, загорелое и обветренное, и походка человека, много лет ходившего по качающейся палубе. Ей могло быть лет тридцать пять или сорок. Камзол на ней был военного покроя, тёмно-синий, с потускневшими латунными пуговицами, и Мерсье заметил на нём следы споротых знаков различия. У пояса висели не пистолеты, а секстант в потёртом футляре и складная подзорная труба.

Она перешагнула борт, прыгнула на палубу «Сент-Клэр» и остановилась. За ней последовали ещё десятка полтора человек, вооружённых, но державшихся сзади.

— Капитан Дюпон, — сказала она по-французски, почти без акцента, ровным, низким голосом. — Я Элеонор Блэквуд, капитан «Ласточки». Прошу прощения за неудобства.

— Мадам, — ответил Дюпон. Он стоял очень прямо, и Мерсье, глядя на него, вдруг почувствовал огромное уважение к этому сухому, упрямому человеку. — Вы захватили французское судно, идущее под покровительством Королевского сада. Это нарушение любого закона.

— Разумеется. — Она кивнула без тени насмешки. — Позвольте изложить условия, чтобы вы знали, чего ждать.

Мои люди не тронут ни вашей команды, ни вашего груза, ни вас самого, если никто не окажет сопротивления. Мы не убиваем безоружных и не берём чужого без нужды. Это записано в наших статьях, и все, кто под моим флагом, этому подчиняются. — Она обвела взглядом матросов «Сент-Клэр». — Мне нужен один человек и одна вещь. Получив их, мы уйдём.

Гриве шагнул вперёд.

— Вы не заслуживаете доверия, мадам. Пираты клянутся, а потом режут глотки.

Блэквуд посмотрела на него спокойно, без злости.

— Вы правы, боцман. Многие. Но я служила флоту его величества одиннадцать лет, штурманом на линейном корабле, и научилась отличать слова от дел. Если бы я хотела резни, вы бы уже лежали на палубе. — Она чуть помедлила. — Вы, кстати, хорошо держались, когда спускали флаг. Это тяжелее, чем драться.

Гриве не нашёлся с ответом. Он отступил.

Блэквуд повернулась к остальным.

— Мне нужен господин Мерсье.

Мерсье почувствовал, как у него холодеют пальцы.

Она отвела его на нос, подальше от чужих глаз и ушей. Двое вооружённых людей остались у трапа: не прислушивались, а просто стояли, как часовые. Финч, спрятавшийся за грудой канатов, наблюдал оттуда широко раскрытыми глазами.

Блэквуд облокотилась на фальшборт и смотрела на воду. Закат окрашивал её лицо в медь, и Мерсье заметил на её щеке тонкий белый шрам, идущий от виска к углу рта.

— Вы Огюстен Мерсье, — сказала она. — Натуралист. Специалист по древним языкам. Три недели назад купили в Париже испанскую книгу, где нашли кое-что интересное.

— Откуда вы...

— Из Парижа приходят новости быстрее, чем корабли. Кто-то в вашем окружении умеет вовремя передать письмо. — Она помолчала. — Я не стану притворяться, что не знаю, зачем я здесь. Вы нашли карту.

Мерсье молчал. В горле стоял ком, но голос, когда он заговорил, прозвучал на удивление ровно.

— Вы ошибаетесь, мадам. Я нашёл лист пергамента с подозрительными знаками. Не карту.

— Разве? — Она наконец повернулась к нему. Глаза у неё были серые, очень светлые, и смотрели прямо, без угрозы, но и без снисхождения. — Господин Мерсье, я не люблю тратить время на ложь. Ни свою, ни чужую. Я скажу вам прямо: я ищу этот остров уже одиннадцать лет. У меня нет карты. У меня есть обрывки записей, слухи, две неверные копии и упрямство. Вы держите то, что я не могла найти десятилетие. Поэтому давайте не будем играть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.